

40204

8

4 ЯНВАРЯ, 2004

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА!

КЛУБНЫЙ

Писатель
Борис АКУНИН:

ЛЮБОВЬ не приносит

Только что
появился
на прилавках новый
роман Бориса
Акунина «Алмазная
колесница».
Его автор дал
эксклюзивное
интервью
«Комсомолке»

В этом кабинете будут
написаны новые романы
о Фандорине.

Сначала я познакомился с его женой. Милая такая женщина, голос приятный, но - работает пресс-секретарем у супруга. Поэтому моментально вредничать начала. «Вы, - говорит, - зачем человека беспокоите? Вы новую книгу Григория Шалвовича купите, прочитайте, а уж потом и звоните». И сразу трубочку телефонную положила. Серьезная дама. Но инструкцию я понял и перезвонил недели через две. Тут, правда, к аппарату сам Чхартишвили подошел, так что я, воспользовавшись случаем, писателю на его жену сразу нажаловался.

- Ну а книжку-то прочитали? - со вздохом спросил он меня в ответ. - Бедненький, намучился?

Ну давайте ваши вопросы!

Эх, святой человек! Хотя...

Акунин о политике

«Лучший из правителей - тот, кто виден подданным лишь в виде тени; далее следует тот, кого они любят и восхваляют; потом тот, кого боятся; и, наконец, тот, с кем вольничают».

Лао Цзы.

- Вот скажите: вы зачем в наше неспокойное время (да еще и в самый Новый год!) политические диверсии устраиваете? Ведь из «Алмазной колесницы» понятно: русско-японская война начала XX века напоминает нынешнюю войну в Чечне - столь же затянувшуюся, изматывающую и перенесенную уже на территорию самой России. Напоминает, что мы на те же грабли наступаем?

- Напоминает. Я бы заставил каждого, кто претендует на место в парламенте или ответственную государственную должность, сдавать экзамен по истории. Чтоб не повторяли ошибок Кавказской войны XIX столетия, не ставили сиюминутные интересы выше долгосрочных, чтоб поменьше хвастались и критичнее себя оценивали.

- Один из героев вашей кни-

ги - склонный к диктатуре правитель Окубо. В начале второго тома его убивают. Не боитесь, что и это как намек воспримут?

- Нет, когда я намекаю, то обычно делаю это более прямолинейным образом - чтоб читателю было понятно. Развитие японского общества после реставрации Мэйдзи и в самом деле похоже на нашу нынешнюю ситуацию - например, попытка держать развитие большого бизнеса под жестким госконтролем. Но деятеля, похожего на Окубо, я у нас не вижу.

- А про Путина что сказать можете?

- Про Путина... Оценивать политического деятеля можно лишь тогда, когда его карьера закончена. Я надеюсь, что Путин не превратится в российского Лукашенко. Очень надеюсь, он осознает всю меру своей ответственности и понимает, что главная забота человека, вознесенного на такую высоту, - место в истории и память потомства.

Ну а про личные качества президента могу сказать вот что: это человек, который старается казаться сильнее, чем он есть на самом деле (что вообще-то хорошо); данное

слово и внутренние убеждения, на мой взгляд, для него важнее норм закона (что для главы государства плохо); он очень недоверчив, все подвергает сомнению; не имеет таланта к лицедейству; памятливы, но не склонен к жестокости. В общем, есть и хорошие, и плохие задатки. Какие из них возьмут верх в условиях почти неограниченной власти - вот в чем вопрос.

- Но на выборы-то вы пойдете?

- Не пойду. Это не выборы, а какая-то потемкинская деревня.

Акунин о Фандорине и любви

«У любви, как у пташки, крылья, ее нельзя никак поймать».

Б. Акунин,
«Хокку о любви».

- Вы как-то сказали, что герой ваших книг Эраст Петрович - гомункулус, созданный в пробирке холодным рецептурным путем. Каковы же составляющие этого рецепта?

- Очень простые. Берешь своих любимых литературных героев - только те черты, которые тебе в них нравятся: вечное одиночество Печорина, строгую красоту Болконского, нравственный камертон князя Мышкина, траурную бравурность полковника

Най-Турса. Прибавляешь кое-что от себя. Встряхиваешь, но не перемешиваешь. И ждешь, пока гомункулус начнет подавать признаки жизни.

- В новом романе Эраста Фандорина ждет любовная трагедия. За что ж вы его так?

- Кто сильнее душой, тому обычно ниспосылаются более тяжкие испытания. А уж мой Фандорин такой сильный, такой сильный, что прямо жалко его становится. Он все выдержит, не сломается, только немножко приморозится. И многие женщины будут пытаться его разморозить. Такой вот романтический алгоритм.

- А может быть, в том, что Эраст Петрович так страдает, есть что-то личное? Может, и у вас была несчастная любовь с трагическим финалом?

- Это вопрос из жанра «Герой без галстука». Я - в галстуке, так что проезжаем дальше.

- Говорят, у вас первая жена японкой была?

- И это проезжаем!

- Ладно-ладно! Тогда скажите: вы - романтик?

- Похоже на то. Причем с возрастом эти тревожные симптомы усиливаются.

- Вот и Фандорин пребывает в постоянном поиске Вечной женщины. Это удел всех мужчин?

- Кроме альтернативных. Только учтите, пожалуйста,

что Вечная женщина - это не какая-нибудь Бегущая по волнам, а вполне живое и земное существо. Вся штука в том, что она - та самая, которая адресована персонально вам, - скорее всего, существует на свете в единственном экземпляре, и, чтобы найти ее, требуется готовность идти на самые разнообразные жертвы плюс большое везение. Иначе придется довольствоваться суррогатом.

- В книге вы описываете науку любви «дзёдзюцу». Неужели верите, что возможна любовь по науке?

- Очень даже возможна, только это будет ненастоящая любовь: тот, кто дергает куклу за ниточки, остается обделенным - вместо любви ему достается одно удовлетворение от собственной искусности.

- Ну а ваше литературное творчество - это наука, расчет, четкий план действий или же вдохновение?

- Наука, расчет, четкий план действий и трудно выразимое словами ощущение, что у меня внутри копошится какая-то история, которую то бы то ни стало нужно рассказать, и рассказать, не наврав и не сфальшивив. Надо очень внимательно прислушиваться к этой истории, и, самое главное, если ее голос вдруг умолк, нужно немедленно прекращать

ПО НАУКЕ

радости

писать, иначе получится нечто неживое. Со мной такое, к сожалению, бывало.

Акунин о планах

«Все едешь, едешь, Глазеешь по сторонам. Ой, где это я?»

Б. Акунин,
«Хокку о судьбе».

- Григорий Шалвович, стоит ли ждать новых экранизаций ваших книг?

- На Первом канале Ужаник Файзиев закончил съемки «Турецкого гамбита». Фандорина играет Егор Беров. Я видел рабочие материалы. Помоему, продукт качественный. Надеюсь только, что не скомкают пост-продакшн: компьютерную обработку, монтаж, музыкальное сопровождение и прочее. Было бы жалко. Кроме того, в середине января кинокомпания Никиты Михалкова начинает снимать «Статского советника». Режиссер - Филипп Янковский. Фандорина играет Олег Меньшиков, князя Пожарского - Никита Михалков.

- Круто. Ну а сколько вы напишете еще книг о Фандорине?

- По плану должно быть еще два романа и две книги рассказов. Но я не знаю, смогу ли я все это написать. Нужно подождать. Эраст Петрович уже обогнал меня по возрасту. Я пока не знаю, что происходит с мужчинами после пятидесяти. Когда узнаю - обязательно расскажу об этом читателям.

Вот такие стильные красавицы будоражили воображение молодого Акунина.

Акунин об Акунине

«Не печалься, что люди тебя не знают; печалься, что ты не знаешь людей».

Конфуций.

- Что же вы, Григорий Шалвович, так интервью давать не

любите?

- Потому что все время задают одни и те же вопросы, а это скучно. Либо же пытаются проникнуть в личную жизнь, а этого я и вовсе не терплю. Главная же причина, наверное, в том, что писатель, по-моему, не должен ничего объяснять за пределами написанного им текста. Все, что я хотел сказать, сказано в романе.

Мой жанр - штука интерактивная, то есть предполагающая активное соучастие со стороны читателя: пускай сам немножко пошевелит мозгами и сердцем, пускай поломает голову над теми же вопросами, которые занимают меня, и найдет на них собственный ответ, не обязательно такой же, как у меня. Зачем же я своими нероманными комментариями и разъяснениями буду сужать круг возможных интерпретаций?

- А, может, дело в другом? В Талмуде есть фраза про разницу между великой горой и великим человеком. Гора по мере приближения к ней становится все больше, а великий человек - все меньше. Вы не дадите возможности приблизиться к вам. Бойтесь, что не будете столь великим?

- И этого тоже. А еще хуже, когда писатель при близком рассмотрении оказывается более великим, чем его книги. Тогда выходит, что никакой он, к черту, не писатель, а там гуру, или философ, или шоумен, или просто милый человек. Смысл занятия любой профессией состоит в том, чтобы результат твоего труда воплощал лучшее, на что ты способен. Не нужно знакомиться с актером, писателем, художником, которых вы очень любите. Вас наверняка ждет разочарование - они окажутся мельче и неинтереснее своего творчества.

- Вас вообще волнует такая штука, как народная любовь к писателю Григорию Шалвовичу Чхартишвили, взявшему псевдоним Борис Акунин? Вы ведь, как ни крути, суперстар!

- Я не очень верю в ценность такого рода любви. Ведь читатели меня совсем не знают. Но если кто-то очень любит мои книжки, это, конечно, греет душу и придает сил.

- Вот, если я не ошибаюсь, японская поговорка - «Гвоздь, который высовывается, бьют по шляпке». А вы, извините, по «шляпке» часто получали?

- Получал и получаю. Но «шляпка» у меня крепкая. К тому же по шерстке меня гладят чаще, чем против шерстки (тьфу-тьфу-тьфу!).

Борис ВОЙЦЕХОВСКИЙ.

Жену-японку Акунин нашел в Москве?

Личная жизнь Григория Чхартишвили окутана такой тайной, что в пору просить Фандорина провести частное расследование. Вот, например, никто и не подозревал, что первой женой знаменитого детективщика была... японка. Мы и сами узнали об этом совсем недавно - как раз накануне выхода новой книги писателя, в которой так подробно описан быт Страны восходящего солнца и характеры японских женщин. Не от первой ли жены почерпнул Акунин часть своих знаний, и нет ли в его героинях ее черт?

Вопросы до конца так и остаются без ответа, поскольку сам писатель о себе ничего не рассказывает. Пришлось обратиться с расспросами к его друзьям: где же в те «застойные» годы молодой специалист-японец смог взять в Москве японку?

Друзья, тоже соблюдая конспирацию, кое-что все же рассказали.

После того как Григорий окончил Институт стран Азии и Африки, став специалистом по Японии, он часто заходил в родной вуз. В это время, как говорят, там проходила стажировку очаровательная аспирантка-японка. Они познакомились, разговорились. Девушка буквально влюбилась в Россию, ее культура, мечта была постигнуть загадочную русскую душу. Григория же привлекали загадки Востока: он расспрашивал о традициях, быте этой прекрасной страны. Вот так за разгадыванием тайн чужих стран они и сблизились. Настолько, что даже узаконили свои отношения, что по тем временам было смелостью необычайной. Правда, Чхартишвили держал свой брак в секрете. Ведь тогда, если выпускники института женились на иностранках, им часто запрещали работать по профессии - мол, а вдруг жена - шпионка?! Но эта иностранка была все же «проверенной, надежной», как выра-

зилась одна преподавательница - «советской японкой». После замужества она осталась жить в Москве.

Один однокурсник Акунина рассказал нам, что, когда после института он работал за границей, Григорий Шалвович на все праздники присылал ему из Москвы поздравительные открытки, которые обязательно подписывал вместе с молодой женой.

Но... видимо, двум сильным характерам, представителям совершенно противоположных культур не суждено было ужиться вместе. С женой-японкой Акунин, по слухам, прожил всего несколько лет. А потом, уже после расставания с ней, встретил свою теперешнюю обожаемую жену Эрику. Надеемся, нам удастся узнать, как сложилась судьба первой жены писателя, и мы сообщим вам об этом в ближайших номерах «толстушки».

Анна ВЕЛИГЖАНИНА.